

Литературныя замѣтки.

Танъ. Чукотскіе разказы.

По силѣ нѣкоторыхъ условій нашего быта, русская литература съ каждымъ годомъ все болѣе обогащается произведеніями, рисующими бытъ и нравы инородцевъ дальняго востока Сибири и, вѣроятно по силѣ тѣхъ же условій, за послѣдніе годы въ русской литературѣ не явилось ни одного значительнаго произведенія, которое рисовало бы намъ нашу жизнь, наши настроенія.

Возьмите такихъ талантливыхъ авторовъ, каковы Короленко, Мельшинъ, Сѣрошевскій, Елпатьяевскій, посмотрите на ихъ способность изображать души и чувства людей. Не покажется ли вамъ, что герои ихъ произведеній—всѣ эти чукчи, якуты, тунгусы, каторжники и бродяги—имѣютъ огромное преимущество предъ нами, жителями нѣдръ Имперіи? Не печально-ли, въ самомъ дѣлѣ, то обстоятельство, что разные инородцы, населяющіе необъятныя пространства Сибири, являются натурою для художественныхъ работъ большинства нашихъ талантливыхъ писателей, тогда какъ мы, россияне, давно уже поступили во владѣніе одного только А. П. Чехова? Не жалко-ли видѣть, что такія яркія краски и сильныя, смѣлыя кисти принуждены изображать зоологическую жизнь, примитивныя чувства и мысли полуживотныхъ, полулюдей, тогда какъ вокругъ насъ закипаетъ жизнь, пробуждаются новыя сознанія, возникаютъ новые смѣлые запросы, нарождается новый человекъ, онъ-же—читатель, пытливый и жадный до книги?.. Этотъ

читатель требует отвѣта на коренные вопросы жизни и духа, онъ хочетъ знать гдѣ правда, гдѣ справедливость, гдѣ искать друзей, кто врагъ. И вмѣсто книгъ, посвященныхъ этимъ вопросамъ, новому читателю предлагаютъ рассказы Тана о чукчахъ...

Рассказы Тана всѣ посвящены изображенію быта чукчей и даютъ, въ общемъ выводѣ, большую, ярко и сильно написанную картину жизни этого племени. Танъ—крупный талантъ и всѣ его рассказы, не смотря на ихъ этнографическій характеръ, являются художественными вещами и производятъ глубокое впечатлѣніе. Написанные просто и даже грубовато—отъ этого они становятся еще больше выпуклыми и какъ-бы втискиваются въ мозгъ читателя. Вотъ одно мѣсто изъ мрачнаго рассказа „На каменномъ мысу“ Якутъ Яякъ перебилъ семью своего знакомаго Кителькута. Онъ убилъ старика, его жену, ребенка сына, изнасиловалъ дочь Кителькута—и уѣхалъ. А когда воротился съ схоты сынъ Кителькута Нувать—вотъ что произошло между нимъ и Уквумомъ, бѣднымъ, старымъ чукчей, жившимъ со своими двумя женами у богача Кителькута изъ милости и спрятавшимся въ свой шатеръ въ то время когда Яякъ рѣзалъ семью Кителькута.

— Уквумъ, покажись!—крикнулъ Нувать—иль я подожду шатеръ!

Старый Уквумъ вылезъ изъ шатра, одѣтый въ смертную одежду.

— Гдѣ Яякъ?—спросилъ Нувать.

— Уѣхалъ!—тихо отвѣтилъ старикъ. Онъ смотрѣлъ себѣ подъ ноги и избѣгалъ глядѣть въ лицо Нувата.

— Зачѣмъ вы допустили перебить нашу семью?—спросилъ Нувать. Тонъ его голоса былъ совершенно спокоенъ.

— Я немощный старикъ, а тамъ женщины!—сказалъ Уквумъ, указывая рукою сначала на себя, а потомъ внутрь шатра.

— Вы даже не выходили наружу!—сказалъ Нувать.

По множеству мелкихъ признаковъ онъ могъ опредѣлить весь ходъ убійст-

ва такъ ясно, какъ еслибъ самъ присутствовалъ при немъ.

— Я боленъ!—сказалъ Уквумъ.—Насилу хожу...

Онъ дѣйствительно шатался и съ трудомъ держался на ногахъ, опираясь на посохъ. Нувать покачалъ головой.

— Пусть-же не говорятъ люди, что дѣти рожденнаго сукой ушли изъ этого свѣта безъ свиты!—сказалъ онъ. Семья Кителкута вела свою родословную отъ Амлю, рожденнаго черной сукой на берегу земли Нэтэнь. Уквумъ поднялъ голову и въ первый разъ посмотрѣлъ въ лицо Нувату. Онъ увидалъ, что рѣшеніе Нувата непоколебимо. Его грязно-смуглыя щеки поблѣднѣли до самой глубины морщинъ. Онъ какъ будто еще постарѣлъ на десять лѣтъ. Однако, онъ сохранилъ внѣшнее спокойствіе.

— Что-же?—сказалъ онъ.—Я и такъ старъ. Если я стану тебѣ дичью, кончай скорѣе...

Слова эти заключали въ себѣ формулу добровольной смерти. Уквумъ предпочиталъ смертельный ударъ, какъ многіе изъ его предковъ, съ собственнаго своего согласія, чѣмъ биться и трепетать подъ ножомъ, какъ убиваемый олень.

— Ну,—сказалъ коротко Нувать.

Уквумъ перетащилъ шкуру, служившую ему подстилкой, къ самому порогу и, обвязавъ себѣ лицо платкомъ, усѣлся на ней. Посохъ онъ положилъ рядомъ съ собой. Онъ закинулся полой шатровой оболочки и его почти совсѣмъ не стало видно.

— Давай!—сказалъ онъ глухо.

Нувать протянулъ ему лезвіе копья. Уквумъ ощупалъ его руками.

— Можешь!—послышался голосъ изъ-подъ покрывала. Онъ наставилъ копьё противъ своего сердца. Нувать съ силой нажалъ копьё; два бѣлыхъ сапога вдругъ показались изъ-подъ покрывала и сдѣлали нѣсколько судорожныхъ движеній, какъ бы собираясь встать, потомъ вытянулись неподвижно на шкурѣ. Нувать выдернулъ копьё и бросилъ его въ сторону. Старикъ не даромъ сѣлъ поперекъ входа. Онъ хотѣлъ заградить

убійцѣ входѣ въ свое жилище и спасти своихъ женъ. Но Нувать рѣшилъ, что и матери его тоже нужны спутницы. Не желая переступить черезъ тѣло старика, онъ вынулъ изъ-за пояса ножъ и сдѣлалъ широкій разрѣзъ въ стѣнѣ шатра, потомъ проскользнулъ туда быстро и неслышно, какъ горностаи пробирается по мышинымъ галлереямъ подъ снѣгомъ. Черезъ минуту раздался отчаянный вопль Анеки, прервавшійся на половинѣ. Вельвуна даже и не крикнула ни разу.

Такихъ сценъ не мало въ семи разсказахъ Тана. Онъ описываетъ, какъ якутъ спаиваютъ водкой русскіе, и едва ли въ литературѣ русской есть картина столь же мрачная и отвратительная. Онъ изображаетъ состязанія якутъ въ бѣгѣ на оленяхъ, въ борьбѣ — все это онъ умѣетъ разсказать просто и сильно. Очень хороша сцена шаманства въ разсказѣ „На рѣкѣ Россомашей“. Лучшими по силѣ изображенія являются разсказы „На каменномъ мысу“ и „Кривоногіе“. Но и всѣ другіе разсказы производятъ очень сильное и всегда мрачное впечатлѣніе. Отдыхаешь немного только на очеркѣ, озаглавленномъ „На мертвомъ столбищѣ“. Только въ немъ мелькаетъ нѣчто человѣческое. Содержаніе его несложно и ужасно: Грозный Духъ заразы — оспы — посѣтилъ столбище и изъ всѣхъ якутовъ на немъ осталась одна полубольная восемнадцати-лѣтняя Илинеуть, беременная въ послѣднемъ періодѣ. Увидавъ себя окруженной трупами, она кое-какъ запрягла оленя и поѣхала въ пустыню искать людей. Но люди не приняли ее, опасаясь, что она принесетъ къ нимъ заразу; грозя застрѣлить ее, они прогнали отъ себя женщину. И она воротилась на свое столбище, къ мертвецамъ. Уже наступили муки родовъ. Она нашла еще силу зарѣзать оленя и, вырвавъ у него почки, спрятать ихъ себѣ за пазуху, — это для того, чтобъ обезпечить себя пищей послѣ родовъ и чтобъ не окаменѣло отъ мороза мясо оленя. Родила Илинеуть и впала въ безпамятство отъ мукъ и лежала одна среди труповъ, покрытыхъ гноемъ, одна — съ новой безпомощной жизнью на своей груди, въ которой еще не было мо-

лока. Потомъ очнулась и въ горѣ, въ ужасѣ стала молить:

— Злой духъ! ты, подползающій сзади, какъ трусливая росомаха, зачѣмъ не убиваешь сразу? Приди и возьми меня и ребенка, всѣхъ людей, всѣхъ оленей, чтобъ никто не могъ хвастаться безнаказанностью!..

Мольбамъ отчаянія ребенокъ вторилъ плачемъ. И вдругъ явился человекъ. Онъ сварилъ мясо оленя и далъ его умиравшей отъ голода и истощенія женщинѣ, онъ оживилъ ее.

— Я—Китлень!—сказалъ онъ:—сынъ Канена, изъ столбища на рѣкѣ Новой. Ни отца, ни матери не зная, жилъ сиротой на чужомъ столбищѣ... Духъ забрался въ столбище и истребилъ людей, никого не осталось...

Дальнѣйшій разговоръ между двумя живыми среди груды мертвецовъ трагически простъ и еще разъ г. Танъ въ яркомъ свѣтѣ показываетъ свой недюжинный талантъ. Конецъ разсказа очень трогателенъ.

Женщина подняла ребенка на воздухъ и протянула его Китлену:

— Возьми его!—сказала она съ заминкой: потомъ прибавила со внезапнымъ порывомъ: —будь ему отцомъ, будь мнѣ мужемъ, будь хозяиномъ дому и стаду, если Богъ Вселенной послалъ тебя для нашего счастья!..

— Хорошо!—просто сказалъ Китлень.—А теперь я буду ѣсть, ибо голоденъ...

Въ описаніяхъ природы языкъ Тана порой неприятно поражаетъ вѣчурностью. Напримѣръ: авторъ употребляетъ такія выраженія: „субстанція вьюга“, „элементы вѣтра“, „атомы снѣга“. Это звучитъ некрасиво и курьезно. Книжка снабжена двѣнадцатью рисунками—фотографіями съ натуры, изображающими типы чукчей, ѣздовыхъ собакъ, оленей въ упряжкѣ.

Изданіе съ внѣшней стороны довольно неряшливо—много опечатокъ, плохо сброшюровано.